

О РАДОСТЯХ И ТЯГОТАХ ЮГЕНДВЕРА*

Лучше всего о югендвере можно рассказать, лишь изобразив один из дней, вобравший в себя все радости и тяготы нашей тогдашней жизни! Такие дни бывают редко, но бывают. Вот и у нас выпал такой день, ясный зимний день.

Сквозь серые рваные облака на белую замерзшую землю светило солнце. Нас собрали по отделениям перед спортивным залом. Стоял жестокий мороз, и облачка пара от нашего дыхания поднимались в воздух. Нам предстоял учебный бой с другой ротой. Они захватили железнодорожную линию и заняли лежащий неподалеку лес. Пока они выдвигались туда, мы прошли маршем к Неттерхайде, большому плацу, чтобы заняться строевой подготовкой. На марше я очень замерз, да и остальные, наверное, тоже. Бежать! Бежать! Быстрее двигаться! Этому желанию суждено было исполниться. На

© Перевод. Е. Зись, 2011.

* Югендвер — молодежная военизированная организация в Германии начала XX в. — *Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. пер.*

плацу отрабатывались отдельные элементы строя. Мы поворачивались направо и налево, маршировали, бегали, и это было приятно. Наша одежда не защищала от холодного, пронизывающего ветра, но постепенно мы согрелись. Не то чтобы вся эта муштра, повороты и прочее сразу воодушевили нас. Раньше бывало, что перед предстоящим боем нам совсем не хотелось тренироваться. И все же я каждый раз замечал, что спустя какое-то время мрачные физиономии становились веселее, глаза сияли. Вероятно, это происходило от ощущения физической силы, которое появляется при усиленной маршировке на свежем воздухе. На этот раз все было иначе. Мы радовались предстоящему бою и потому тренировались усерднее, чем когда-либо. Поначалу мы были очень недовольны, что нам запрещалось разговаривать. Прошло много времени, прежде чем мы привыкли и к этому. Но когда вот так идешь и бежишь, когда все мышцы напряжены, о разговорах не думаешь, а маршируешь так, что из-под ног летят комья грязи; бежишь так, что в груди хрипит и дыхание вырывается короткими толчками; чувствуешь силу от того, что в тебе снова рождается упорство древних германских титанов; упорство, с которым, надеясь только на себя, уничтожают мир и создают его заново.

Но слышишь? Сбор! Сбор! Уже так поздно? В самом деле! Как быстро бежит время. Спешно формируется колонна для марша, и рота выступает к месту боя. Там и сям слышны радостные голоса; то один, то другой раскуривает трубочку. Становится заметно, что нас муштровали. Вон двое

сцепились по-дружески и пытаются повалить друг друга, стараясь не привлекать к себе особого внимания. А там кто-то кидается снежками. Повсюду царят воодушевление и сила. Невозможно выразить, как приятно после пятичасового сидения за партами наконец-то от души побеситься (в хорошем смысле слова). Мы идем все дальше и дальше. Возникают далекие вершины, тонущие в голубой дымке, леса приближаются. Повсюду лежит снег, глубокий, пушистый, белый снег. Какие роскошные виды, какие прекрасные, гармоничные, яркие картины открывались нам во время этих маршей! Над нами светло-синее небо, бледная луна в первой четверти, дальше на западе, между темными деревьями, — нежная вечерняя заря, прорезанная горизонтальными облаками глубокого пурпурного цвета, а под ними — заснеженные деревни; сердце раскрывается навстречу такому пейзажу.

Мы вступаем в темный лес. Раздается приглушенная команда остановиться. Высылаются патрули. Я — командир патруля на левом фланге. Вначале мы быстро продвигаемся вперед, ориентируясь по карте. Но постепенно темп замедляется, и мы двигаемся с большими остановками, ступая очень осторожно. Кругом тихо, бесконечно тихо. Откуда-то очень издали доносятся удары топора. Становится все темнее.

- Тсс!.. Зиберт?
- Что?
- Ты где?
- Здесь! Ты не слышишь?
- Тсс... Замолчите.

Затаив дыхание, мы стоим, открыв рты, прислушиваемся и пытаемся что-нибудь разглядеть в темноте. Меж деревьев таинственно скользят тени, длинные, призрачные. Вот! Кхх!

— Тсс!

— Тихо!

Только ветер меланхолично насвистывает, целуя листья одинокой ивы у темного пруда.

— Вот!.. Опять.

— Шшш!

В лихорадочном возбуждении я стою, прислонившись к стволу дуба, впиваюсь глазами в темноту; вот снова — кхх! Он приближается. Господи, где же остальные? Я что, совсем один? Где они? Я их больше не вижу, а тут совсем рядом снова трещит ветка... Неистовый порыв ветра сотрясает вершины деревьев. Может, мне показалось? Нет, вот опять, опять... А вон там — не отделилась ли от темного дерева фигура? Да! Тень приближается. Я берусь за свой пробочный пистолет и, дрожа от волнения, вжимаюсь в ствол. Ближе и ближе... Я хочу что-то крикнуть, но горло перехватило, на лбу выступил пот, я прыгаю вперед, издаю хриплый звук — и оказываюсь перед изумленно уставившейся на меня старушкой. Мною овладевает непонятная слабость, мне приходится прислониться к дереву. Потихоньку начинает идти снег. Старушка, старушка, ну и потрепала ты мне нервы! При патрулировании я всегда охвачен таким волнением. Мои товарищи рассказывают о себе то же самое, но ни один не отказался бы еще и еще раз испытать это.

Снег все идет. Подходят остальные. Дальше. Шаг за шагом мы скользим вперед, все время прислушиваясь и поминутно останавливаясь. Наконец впереди светлеет: мы дошли до опушки. Теперь мы крадемся очень осторожно и смотрим во все глаза. Перед нами раскинулся луг, за ним — лес. Но тут, на опушке... Господи, неужели обман зрения?.. Я широко открываю глаза... Да тут они кишмя кишат!.. Красный флаг, синий... Господи... надо срочно послать донесение, да, донесение. Одного отправляю назад. Мы продолжаем наблюдать. Тут на другой стороне начинается движение. Два, нет, три человека идут через луг к нашему укрытию. Неужели они нас заметили? Не может быть! Назад, ребята, быстро назад! Этих троих мальчишек мы легко схватим!

— Нагни голову, приятель, тебя же увидят!

— Здесь, в лесу, для этого слишком темно.

Как мы успокоились и обрадовались! Не то что до этого, в лесу! Вот они. Еще пять шагов, еще три, еще два, еще...

— Стоять!

Мы вскакиваем и бросаемся на них. Как они пугаются! Хороший улов! Но теперь надо возвращаться. В шесть часов мы должны быть в части. Идем потихоньку назад, забрав пленных с собой. Тут в лесу начинается движение: кто-то тихо, как кошка, крадется, подползает все ближе и ближе, пробирается сквозь кустарник. Наши! Мы рванули к ним. С дистанцией в два шага мы снова движемся к опушке леса. В одной руке держу пробочный пистолет, другой отодвигаю ветки кустарника. И вот

мы на опушке, лицом к лицу с неприятелем. Огонь! Команда гремит над деревьями, разносится по тихой долине. Дальше! Дальше! Все пылают от нетерпения, только железная дисциплина сдерживает нас. Наконец-то!

— Отделение Вайдеманна, встать, вперед, марш!

Все наше нетерпение и напряжение вспыхивают еще раз и выливаются в невероятный жуткий крик, с которым мы несемся через луг. Хлюп! — это я одной ногой угодил в болотце.

— Ложись!

Шлеп! Кто-то от возбуждения не заметил лужу и плюхнулся, растянувшись во весь рост. Ничего, дальше! Слышишь, вот и сигнал! Штурм! Все устремляются вперед, крича, стреляя, хлопая в ладоши. От оглушительного шума даже старые деревья-великаны испуганно трясут седыми головами.

— Сбор!

Разгоряченные, тяжело дыша, мы строимся на лугу. Нас хвалят за старание и рвение и порицают за необузданность. Солдат должен сохранять спокойствие.

Потом нас снова отправили на тракт.

— Посмотри, во что превратился мой костюм, — жалуется один.

— А мои ботинки!

— У меня обувь полна воды, — отзывается третий и пытается вылить влагу из своих ботинок.

— У меня все болит.

— У меня тоже. Но все равно было здорово.

— Да, замечательно!

С этим согласны все.

— Давайте споем!

— Да, да, про птичек в лесу!

Когда мы двинулись назад, уже стемнело. Высоко в небе серебряные островки света бредут своим путем в бесконечную космическую даль. Луна награждает темные облака серебристыми кантами и поверх сонно шумящих лесов льет струи света на далекие высоты, окутанные бесконечно нежной серебристой дымкой. Издалека доносится пение возвращающихся солдат:

Птички в лесу
Так дивно поют:
На родине, на родине
Мы встретимся опять!

ЧАС ОСВОБОЖДЕНИЯ

Сирень пахла так сильно! Лунный свет озарял стены таким тоскливым серебристым светом! И опять она думала о нем. Где-то далеко в поле его поглотила рычащая битва, где-то его похоронили год тому назад... Тогда она как раз пошла в сад в его любимом белом платье, она хотела нарезать свежих роз, чтобы положить к его портрету; и тут услышала эту новость. Не в силах совладать с безымянной болью, она молча и без слез срезала вместо роз темный плющ и отнесла к его фотографии. Потому что он умер...

Ночной ветер овеял ее ароматом сирени. Несколько лепестков упали на черное платье.

— Умереть, — произнесла она потерянно, — умереть. — И крупные слезы невольно потекли из глаз.

Она пыталась думать о нем и с болью чувствовала, что его лицо с каждым днем все больше блекнет и отдаляется, жизнь лишена смысла — и потому тосклива. Резкая боль пронзила душу, когда

© Перевод. Е. Зись, 2011.

она поняла это. Она опустила голову на шербатый каменный стол и стала сбивчиво говорить о любви и тоске. Она звала назад ушедшие дни, когда их души сливались в одну, когда они вместе бродили по полям, над которыми кружились жаворонки; по нивам, пламеневшим маками; по лесам, где было полно кустов ветреницы, а перед маленьким домиком, утопавшим в зелени, он рассуждал об их счастливом будущем.

— О ты, синяя летняя ночь, — произнесла она, — почему ты вызываешь во мне такую тоску? Неужели я никогда не найду покоя?..

Она резко обернулась. Ей показалось, будто кто-то шепчет за спиной.

— Это ночь, — сказала она. — Ночь. Ночь живет... своей собственной жизнью... Природа не мертва... все живет — камни, звезды, тишина...

Она испуганно умолкла. Откуда эти слова, которые, забывшись, она произнесла так громко?

Потом в ее памяти всплыл тот далекий вечер, когда они допоздна сидели вдвоем и говорили о Тристане и Изольде. Именно тогда он произнес эти слова о людях и матери-природе, говорил, что все не вечно и одновременно все бессмертно. Что жизнь — цветение природы, а умирание — отдых перед новой жизнью. Он говорил и о смерти — что она не разрушительница, а тихая подруга — мать, которая укладывает спать своего уставшего ребенка, чтобы снова разбудить его утром.

Сердце переполнилось чем-то невыразимым. Она встала.

— Да, — проговорила она каким-то странным, чужим голосом, — жизнь, смерть — все едино!

Потом, не чувствуя под собою ног, она пошла в дом по залитым лунным светом тропинкам. Не осознавая, что делает, она скинула темное траурное платье, надела белый наряд, который он так любил, и распустила волосы. Вернулась в сад. Гроздья сирени касались ее лба. Она подняла руки, так что широкие рукава опустились на плечи, и ломала ветки с душистыми цветами, еще и еще, пока весь каменный стол не покрылся пахучей сиренью. Лунный свет дрожал на ее волосах, скользил по цветам, ночь была сказочно синей и волшебной глубокой. Она была как пришлица из другого мира, словно перестала быть человеком, породнилась с деревьями и цветами. Она ощущала близость звезд, и синее ночное небо целовало ей лоб. Трепет от присутствия Божественного пронизал ее, и на мгновение она прикрыла глаза. Все деревья казались ей старыми знакомыми, все звезды — родными, природа была ею, а она — природой.

Тогда она подняла руки и заговорила глубоким, звонким голосом, не понимая своих слов:

— Природа! Мать и сестра! Тоска и осуществление! Жизнь! Блеск полуночных солнц, сияние дневных звезд! Смерть! Ты, синева! О, глубина! Темный бархат на светлых одеждах! Ты, жизнь, — и есть смерть! Ты, смерть, — и есть жизнь! Все — природа! Я — это не я! Я — куст, дерево! Ветер и волна! Шторм и штиль! И во мне кровь миров! Эти звезды

во мне! Часть меня! А я — в звездах! Часть звезд!
Я — жизнь! Я — смерть! Я — космос! Я — ты!

Лунный свет серебрился на ее волосах. Она замолчала. Казалось, сама ночь, сотканная из света и тьмы, шептала: «Я — это ты!»

Она опустила голову. И вдруг осознала только что произнесенные слова.

— Я — это ты, — повторила она очень тихо, словно про себя. — Освобождение! — Она положила руки на цветы. Отрешенно повторила еще раз: — Освобождение! Да, ты не умер. Ты живешь... я — это ты... ты живешь во мне, в мире, в природе, в космосе... Мы вечно будем едины: я — это ты!..

Потом она опустилась на колени, аккуратно и нежно подняла веточку плюща с земли.

— Слышишь? Это ты. Я целую тебя! — Она дотронулась розовыми губами до прохладной веточки.

Она поднялась с колен и склонилась над розой.

— Слышишь? Я люблю тебя, — произнесла она умиротворенно и ласково. Прислонилась лбом к дереву. — А вот и ты, — прошептала она, ласково улыбаясь.

Она взглянула на синее ночное небо. Серебристый лунный свет струился ей прямо в глаза. И она сказала нежным и тихим голосом:

— Освобождение... Примирение... Ты, мой любимый, не умер... Я больше не буду терять тебя каждый день... Не только по ночам ты будешь со мной... Ты навсегда мой... Ты во всем мой... Я — это ты... Я — это ты... ты...

Потом она повернулась и снова пошла по залитым лунным светом тропинкам. Ее лицо было светло и благостно, ее глаза излучали блаженство, как в тот день, когда он впервые поцеловал ее...

Сирень пахла сильно и сладко...

Где-то в саду пел соловей...

ЖЕНЩИНА С ЗОЛОТЫМИ ГЛАЗАМИ

В проходы маленького уютного театра медленно лился поток зрителей из дверей лож, продвигался вперед, разделялся: одна часть направлялась в подвальчик, другая устремлялась в фойе. Слышалась приглушенная речь, почти шепот, мягкие сумерки, над которыми время от времени раздавался серебристый девичий смех. Девичий смех.

Ах, снова старая боль заняла в моей груди, и воспоминание заставило кровоточить старые раны. Разочарования остудили мою душу. Теперь я хотел найти забвение в театре — на постановке первой части бессмертного «Фауста». Но когда Гретхен подняла пленительно-прекрасные глаза и так загадочно-женственно взглянула на потерявшего покой героя, я невольно сравнил былое со спектаклем, и горькая правда овладела мною: «То была лживая жизнь, это — лживый спектакль».

Мои мрачные мысли прервал женский голос, он был как матовое золото, освещенное вечерним

© Перевод. Е. Зись, 2011.